

Гермиона неподвижно стояла рядом с Гарри в той не совсем трогательной манере, которую они вдвоем, казалось, довели до совершенства. Ее волосы снова были закованы в связывающие чары, и только короткие пряди разведали ее лицо. По лазурному небу неслись тонкие облака, и приятный бриз с океана не давал намека на то, что скоро наступит осень.

Сейчас был август. Через три дня после дня рождения Гарри он хоронил своих родителей... снова. Она взглянула на него с тревогой, но его взгляд был прикован к покрытой шрамами земле. Мистер Уизли, Ремус и Рон начали опускать единственную шкатулку на приготовленное для нее место, их палочки двигались в трогательной синхронности.

Поза Гарри была жесткой, излучающей напряжение. Его лицо было бледным, глаза закрыты очками, затемняющие чары защищали его от солнца. Его рот был сжат в тонкую, натянутую линию.

Одна шкатулка. В каком-то смысле это довольно поэтично, немного с сожалением подумала Гермиона. Тонкс нерешительно подошла к Гарри, извиняясь за то, как — она подавилась словом «осталось» — перемешалась в ее рюкзаке. Там было очарование, она сообщила ему; она могла бы разобраться с ними, но это займет некоторое время.

«Не волнуйся об этом, — сказал Гарри обеспокоенному аврору. Оставьте их... вместе. Его голос срывался на последнем слове, и он поспешно удалился из комнаты. Несколько часов спустя Гермиона нашла его сидящим на чердаке под окном, его лицо было искажено печалью, словно оно было высечено из камня грустным и сердитым скульптором.

Гроб был на месте, и Ремус взглянул на Гарри с очевидным вопросом в глазах. Гарри отрывисто кивнул, и Ремус снова поднял палочку. Один щелчок, и тонкий туман грязи брызнул с конца, мягко разбрызгивая по полированному дереву гроба. Через мгновение к нему присоединились Гермиона и Тонкс, а вскоре за ними последовали и другие члены Ордена, пока не образовалась небольшая земляная насыпь и гроб не скрылся из виду. Мистер Уизли и Фред начали поднимать мраморную надгробную плиту на место над могилой.

Гермиона украдкой наблюдала за Гарри, замечая, как солнце блестит на его влажных щеках. Волшебная погребальная традиция требовала, чтобы ближайший член семьи начинал похороны, как это сделал Ремус. Для Гарри это было еще одним символом его бессилия, что он не может выполнить даже эту простую задачу в память о родителях, которые умерли, чтобы он мог жить. Губы Гермионы сочувственно сжались, заметив, что Гарри казался сплошь резкими линиями и выступающими углами.

Последние пару ночей Фред не спал очень поздно, луч Резака на его палочке был заточен до лезвия бритвы, готовя надгробие. Читалось просто:

Джеймс и Лили Поттер

Жизнь и любовь свели их вместе

Смерть не разлучила их

1959-1981 гг.

Неровный вздох сорвался с приоткрытых губ Гарри, и Гермиона потянулась к нему, переплетая свои пальцы с его. Она почувствовала, как его рука напряглась, как будто он собирался отдернуть ее, но он, должно быть, подавил желание уйти от нее — от всех, — потому что его рука оставалась переплетенной с ее рукой.

Затем внимание Ордена было обращено на вторую дыру в земле, параллельную первой, зловеще поблескивавшую в косых полуденных лучах. После того, как гроб Перси поставили на место, мистер Уизли начал засыпать яму, а за ним Рон и Фред. Пенелопа вскоре последовала ее примеру, ее лицо было почти таким же суровым, как у Гарри, глаза заметно влажные. Была закреплена еще одна надгробная плита, на которой были написаны слова:

Персиваль Игнатиус Уизли

Возлюбленный сын, брат и друг

С сердцем льва

22 августа 1976 г. - 1 августа 1998 г.

Мистер Уизли едва слышно произнес несколько запинаящихся слов, а его сыновья старательно смотрели на свои туфли покрасневшими глазами. Гермиона попыталась отвлечься от стеснения в груди и покалывания век, переведя взгляд на других членов Ордена. Гарри был ближе всех, заполняя большую часть ее поля зрения, подсвеченный солнцем, выглядя таким же неподвижным и неумолимым, как статуя. Она не была уверена, смотрит ли он в ее сторону из-за тонированных очков, но все равно бросила на него предостерегающий взгляд. Не смей пытаться отгородиться от меня, Гарри. МакГонагалл была с другой стороны от него и чинно нюхала накрахмаленный и чопорный белый кружевной носовой платок. Здесь Гермиона сделала паузу, глядя на профессора, которого она всегда считала стойким — даже суровым — сравнение, как она теперь поняла, могло быть не совсем справедливым. Она слышала старую поговорку о том, что родители никогда не должны хоронить своих детей, и ей было интересно, думает ли МакГонагалл так же, когда хоронит бывших учеников.

Затем она увидела серое лицо мистера Уизли и поняла, что никакого сравнения нет — и он даже не смог попрощаться с большей частью семьи, которой больше не стало. Рон нежно обнял Пенелопу, которая, казалось, вот-вот сломается, а Фред стоял немного в стороне, его лицо было таким серьезным и застывшим, что он почти не был похож на себя. Флер стояла рядом с ним, умудряясь выглядеть царственно красивой, как всегда, даже с несомненной скорбью, отпечатанной на ее чертах. На дальнем конце свежевырытых могил стояли Ремус и Тонкс. У Люпина был такой вид, будто сильный ветер вот-вот свалит его с ног, и Гермиона подумала, что это захоронение его друзей в очередной раз должно было быть похоже на царапанье открытых ран, которые зажали лишь частично. Тонкс одной рукой обнимала Ремуса за талию,

у нее были сухие глаза, но она была задумчивой.

Пенелопа попыталась заговорить, когда мистер Уизли закончил, но не смогла. Флер вошла с тем апломбом, который, казалось, всегда был у нее под рукой, хотя ее подбородок слегка дрожал, пока она говорила. Взгляд Гермионы остановился на тонкой исцеляющей руке француженки, бессознательно лежащей на ее животе. Слова Флер нахлынули на нее бессмысленно, как вода. Как мы собираемся обезопасить беременную женщину? Гермиона задавалась вопросом, и все же она знала, не спрашивая, что каждый член Ордена до последнего отдаст свою жизнь за этого ребенка - этот неожиданный символ лучших дней в прошлом, обещание лучших дней в будущем - не задумываясь дважды.

Ну, может быть, не все, поправилась она, подумав о тех, кто не присутствовал на панихиде. Джинни, конечно же, не было, все еще недееспособной из-за проклятия Кошмара. Но больше всего Гермиона переживала отсутствие Невилла. Он был заперт в одной из пустых спален под присмотром Луны.

— Что ты им сказал? — снова спросил Гарри, его голос становился все более настойчивым, когда Невилл отказался.

— Я... я... — пробормотал Невилл, его руки почти бесцельно скользнули вверх к вискам, он качал головой, словно не соглашаясь с мнением, которого никто больше не слышал.

Гарри выдохнул воздух через ноздри и с пренебрежительным взглядом окинул Невилла взглядом.

«Теперь я знаю, что ты не Невилл. Он бы никогда не предал нас таким образом». Тон Гарри был язвительным. Невилл вздернул подбородок и почти вызывающе встретил взгляд Гарри. Гермиона задумчиво смотрела. Она была бы готова вмешаться, но Гарри не мог ничего сделать с Невиллом, прежде чем она и Люпин набросятся на него.

— Я не предавал тебя, — сказал Невилл, хотя и медленно и с большим трудом.

— Докажи это, — с вызовом выпалил Гарри, явно направляя Драко Малфоя со всей долей презрения, на которую был способен. Гермиона была уверена, что невольное восхищение, борющееся с тревогой и состраданием к настоящему Невиллу (где бы он ни был), читалось в ее глазах. — Расскажите нам, когда они забрали настоящего Невилла. Когда вы заменили его? Невилл посмотрел на Гарри с обиженным видом, как будто Гарри задел его чувства.

— В... больнице... — выдавил Невилл, очевидно, борясь с каким-то инстинктом, визжащим в его голове и требующим заткнуться. Он выглядел почти удивленным, как будто не знал об этих фактах, пока они не сорвались с его губ. «Луна — они пытались — ее клон не забрал... только меня. Просто...» Он скривился, качая головой, выглядя почти как Добби, одержимый самобичеванием. «Все смешалось...»

" Где ты был?" Гарри надавил, и Невилл отшатнулся от него.

« Я не знаю. Я не могу вспомнить... это... отец Малфоя был... ааа!» Он внезапно выгнулся, вскрикнув, а затем согнувшись почти вдвое.

" Где ты был ?" Глаза Гарри сверкали, и он невольно

" Гарри!" сорвалось с губ Гермионы, хотя она и не собиралась этого делать.

— Он не мог раскрыть местонахождение дома. Фиделиус исключает это, — как ни в чем не бывало вставил Ремус, явно надеясь немного развеять панику Гарри.

— Он вообще под Фиделиусом? — спросил Гарри, поворачиваясь к Ремусу и Тонкс, которые беспомощно пожали плечами.

« Нет никакого способа узнать, как Фиделиус повлияет на клона. Он — он тот же человек, что и — как — заклинание, вероятно, просто читает его как Невилла. Иначе он не смог бы войти в дом после рейда в Святого Мунго, — сказала она.

— Что ты им сказал? — спросил Гарри, его тон все еще был нетерпеливо-бешеным и сердитым.

— Я... я не... — пробормотал Невилл, дико оглядывая комнату, словно опасаясь наказания со стороны какого-то невидимого наблюдателя. Гарри яростно выругался, заставив всех в комнате косо посмотреть на него. Гермиону удивила его бурная реакция, и она предположила, что Невилл — заслуженный или нет — будет нести на себе всю вину, горе, бесполезность, страх и отчаяние Гарри.

Гарри повернулся к остальным, казалось, сразу же отмахнувшись от Невилла, по-видимому, понимая, что они могут не получить от него никакой полезной информации.

— Нам придется запереть его, — сказал он без особого извинения. «Ему нельзя позволять общаться с Пожирателями Смерти».

— Если мы прервем его связь, — тихо сказала Гермиона, — тогда они узнают, что его взломали. Они узнают, что мы знаем. Ее взгляд медленно переместился с Гарри на Невилла. «Нам лучше позволить ему общаться — если это то, что мы тщательно отобрали». Гарри взглянул на Невилла, затем на Гермиону. Казалось, он неохотно соглашался.

— Думаю, ты прав, — согласился он. Затем Орден коллективно продиктовал письмо Невиллу, которое отчаявшийся мальчик записал, держа на прицеле, сообщая Пожирателям Смерти, что его записывающие чары были обнаружены и отключены, и установлена новая защита, которая предотвратит дальнейшие чары этого Сортировать. Он указал, что его чуть не задержали, но Орден не мог представить, что кто-то из их предаст их. Он сказал им, что оба сбежавших

заключенных скончались от полученных травм, и что Гарри, похоже, был таким же сильным, как и прежде, полностью преодолев воздействие поглощающего поля.

Это было вчера. С тех пор Невилла держали почти в полной изоляции, и кто-то тщательно охранял дверь. Они следили за совами, но ничего не прилетело. Невилл все еще колебался, то настаивал, что ничего не сделал, то сидел в каменном молчании. Гермиона задавалась вопросом, когда действие зелья пройдет и когда придет новая порция.

Она вдруг огляделась, когда скорбящие начали расходиться от новых могил. Служба закончилась, а она даже не заметила этого. Она поймала на себе понимающий взгляд Гарри за мгновение до того, как он снова взял ее руку в свою.

"У тебя все нормально?" — спросил он, и ее рот невольно скривился от иронии того, что он задал ей этот вопрос.

— Я в порядке, — попыталась сказать она самым безобидным тоном, но чувствовала пронизательный взгляд за тонированными стеклами. Больше всего Гарри беспокоило то, что она покончит с собой, неустанно работая на Орден, и она могла видеть эту тревогу в настороженных чертах его лица.

«Ты легла спать ужасно поздно прошлой ночью», — заметил он, и она почувствовала, что краснеет, когда оглянулась, чтобы посмотреть, не слышал ли кто-нибудь его мимолетное упоминание о том, как они устроились спать. Гермиона была почти уверена, что большинство людей знали об этом, но об этом никогда не упоминалось, даже когда никто не упомянул, что Тонкс и Ремус живут в одной комнате. И если Рон, разбудивший Гарри в ночь смерти Перси, и заметил, что с ним пришла Гермиона, он ничего об этом не сказал.

— Так много дел, — сказала она, извиняющимся взглядом глядя на него. «Как же я могу с чистой совестью не делать всего, что в моих силах?»

Гарри засунул руки в карманы и поскреб пятно грязи носком потрепанных кроссовок. Гермионе показалось, что она могла видеть слабую ржавчину кровавого пятна возле пятки.

— Я просто... — его взгляд скользнул через ее плечо туда, где стоял мистер Уизли с двумя оставшимися сыновьями. И тут Гермиона поняла. Он собирался попросить ее сделать что-то еще, и заранее решил почувствовать себя виноватым.

— Ты же знаешь, что я сделаю все, о чем ты меня попросишь, не так ли? — мягко сказала она, подойдя достаточно близко, чтобы положить руку ему на грудь и заглянуть ему в лицо.

— Это не значит, что я должен просить тебя об этом, — возразил он, наблюдая за Уизли с непроницаемым выражением лица. Троица рыжеволосых прошла мимо них в дом, мистер Уизли успокаивающе похлопал Гарри по плечу, когда тот проходил мимо. Рон осторожно прошел мимо них, даже не взглянув в их сторону, его рука по-прежнему осторожно обнимала

Пенелопу, словно она была сделана из стекловолокна. Остальные члены Ордена последовали его примеру, а Ремус бросил один долгий взгляд на две заброшенные могилы.

— Что такое, Гарри? — настаивала она, как только задняя дверь закрылась за профессором МакГонагалл.

— Я думал о... мистере Уизли, и — и сколько — сколько он потерял, и — я — я не хочу, чтобы он больше проигрывал. Я... — он еще раз посмотрел в умоляющие глаза Гермионы и затем устремился вперед. «Я хочу исправить Джинни».

Гермиона промолчала, решив не задавать очевидный и оскорбительный вопрос «как?» Потом осторожно сказала:

"Что у тебя было на уме?" Короткая вспышка благодарности в его взгляде сказала ей, что она сказала правильно.

«Я подумал... если бы мы снова работали вместе, как мы оглушили Ремуса... тогда, может быть, мы смогли бы отключить проклятие». Его голос звучал невнятно и неуверенно, и он, казалось, был готов к гермионовскому списку, почему именно это предложение было абсурдным. Словно надеясь отвлечь ее, он быстро добавил: «Я знаю, что это опасно для тебя, и я не имею права спрашивать, но... но если... если... твоя сила через меня больше, чем...»

"Сумма его частей?" — тихо вставила Гермиона, и Гарри кивнул.

«Тогда, возможно, мы сможем сделать то, что в противном случае потребовало бы команды специалистов и доступа к больнице Святого Мунго». Он выглядел немного самоуничижительным, словно понимая, как глупо это звучит. «Пенелопа не думает, что сможет продержаться долго, без того, чтобы эффекты не были постоянными. Она снова проснулась сама по себе, и ей было трудно даже вспомнить имена своих братьев. Пенелопа думает, что ее... ее воспоминания начинают эрозии, — сказал он запинаясь, немного поморщившись. «Она не хотела ничего говорить мистеру Уизли так скоро после... после Перси...»

«Как вы думаете, сможет ли она справиться с реальностью ситуации? Если предположить, что мы вообще сможем это исправить?» — откровенно спросила Гермиона. Гарри мрачно посмотрел на горизонт.

— Ей придется, не так ли? Если она хочет выжить. Он тяжело вздохнул и, казалось, хотел было сказать что-то еще, как вдруг остановился и пристально взгляделся в небо.

"Гарри?" — удивленно спросила Гермиона, проследив за его взглядом.

"Ты видишь...?"

— Да, — выдохнула она, прежде чем он успел закончить. "Что это за фигня?"

Высоко над ними небо было... ну, рябью, за неимением лучшего слова, очень похоже на спокойную поверхность пруда, нарушаемую ударом камня. Гермиона чувствовала, как ее беспокойство растет, когда они следовали за рябью, которая становилась все больше и ближе, а затем начала рябить перед верхушками деревьев и самым высоким фронтоном убежища.

— Это сова Невилла, — сглотнул Гарри. — Бери Ремуса! Гермиона остановилась, чтобы поразиться тому, что они разочаровали сову, и вскарабкалась по ступенькам, зовя Орден еще до того, как они переступили порог.

Очевидно, у сов пока не возникло никаких проблем с поиском Невилла, не считаясь с Фиделиусом, поскольку они не могли выдать его местонахождение. Также нельзя было отследить их магические средства передвижения — грубую форму аппарации на большие расстояния. Гермиону беспокоило, что это не исключило возможность того, что сову зачаруют — или ей дадут какой-нибудь амулет — который будет действовать так же, как записывающее заклинание Невилла. В конце концов, как она мрачно сказала Гарри накануне, то, что Волдеморт не может точно знать, где находится их убежище, не означает, что он не может стереть с лица земли весь регион, чтобы добраться до них. На самом деле Фред ушел с Роном накануне в ближайшую деревню и вернулся, срочно сообщив им, что они видели небольшой отряд Пожирателей Смерти, пытающихся быть скрытными, но, тем не менее, очевидными.

— По крайней мере, Невилл дал им Корнуолл, — мрачно сказал Ремус. «Вероятно, они ищут признаки магической активности».

— Мы все еще в безопасности здесь? — спросила МакГонагалл. «Убежище в Йорке...»

«Они уже переполнены. На самом деле, они могут просить нас в ближайшее время принять какой-то избыток. Оба факультета довольно неохотно, потому что здесь так — так много... э-э — высокопоставленных членов Ордена», — Тонкс наткнулся на неуклюже остановился, довольно стыдливо взглянув на Гарри.

Было принято решение остаться — по крайней мере, на время, а будущие поездки в деревню, в случае необходимости, будут совершаться с величайшей осторожностью.

Когда Гарри и Гермиона подошли к комнате, где содержался Невилл, они увидели Ремуса и Тонкс, стоящих в коридоре, старательно спрятав их от дверного проёма.

— Он передает сообщение сове, — сказал Ремус тихим шепотом, помня о возможных контрольных чарах.

— Где Луна? — прошипела Гермиона, ей не нравилась невозможность точно видеть, что делает Невилл.

— Она умная девушка, — сказал Ремус с оттенком восхищения в голосе. «У нее есть плащ Гарри. Он на прицеле — он был бы дураком, если бы попробовал что-нибудь».

Раздался слышимый свист перистых крыльев, взмахнувших воздухом, и сова исчезла. Когда они осторожно вошли в комнату, им представилась картина, на которой Невилл неохотно кладет пакет в бестелесную руку, вытянутую ладонью вверх.

Затем рука схватила пакет и качнулась по широкой дуге.

— Гермиона? Ничего не сказал, протягивая ей пакет.

— Спасибо, Луна, — ошеломленно сказала Гермиона, поскольку Луна, казалось, совсем не собиралась снимать мантию-невидимку, хотя сова уже ушла. Без обертки из коричневой бумаги это была простая картонная коробка, в которой находилась стеклянная бутылка с пробкой (защищенная амортизирующими чарами), в которой мерцала шипучая золотая жидкость. Гарри пронзил Невилла враждебным взглядом, прежде чем посмотреть на Гермиону в поисках подтверждения.

«Мы должны уничтожить его, просто на всякий случай», — сказал он.

— Я не согласна, — сказала Гермиона, и Тонкс согласилась. «Мы должны выяснить, что это такое — какова его цель и из чего состоят его компоненты. Это может помочь нам понять, как Волдеморт создает Эффинги ». Столкнувшись с такой логикой, Гарри коротко кивнул, хотя все еще явно не был доволен тем, что это зелье вообще находилось рядом с Невиллом.

— Было что-нибудь еще? — спросила Гермиона, глядя не на Невилла, а на пустое место, где была Луна.

— Нет, — раздался ее слегка приглушенный голос после паузы, во время которой Гермиона решила, что она, вероятно, качала головой незамеченной.

— Хорошо. Мы позволим Волдеморту переварить эту информацию и посмотрим, понравится ли она ему, — удовлетворенно заявила Гермиона. Она почувствовала, как Гарри немного обмяк позади нее, и подумала, что он хотел бы, чтобы ложные сведения были правдой — по крайней мере, в том, что касалось его сил. Ее взгляд пробежался по почти пустой комнате, едва скользнув по Невиллу, который выглядел особенно обескураженным.

"Чья очередь следить за ним?" она спросила.

«Рон сказал, что сделает это следующим», — сказала Луна.

— Пойдем за ним, — ответила Гермиона, мягко толкая Гарри локтем в бок. Это, по крайней мере, заставило бы Рона минимально взаимодействовать с ними, чего он старательно избегал.

"Я не собираюсь ничего делать!" — взорвался Невилл, глядя на них умоляющими, обиженными глазами.

«Правильно. Это не так», — ответила ему Гермиона, прежде чем слегка пожать плечами. «Возможно, это не твоя вина, Н... Невилл, но ты же не можешь винить нас за такую реакцию, не так ли?» Она немного споткнулась на его имени, поняв, что на самом деле он был не тем Невиллом, которого они знали семь лет, но чудесным образом выздоровел.

Невилл сидел на краю провисшего матраса, упершись локтями в колени, и выглядел подавленным.

— Нет, — тяжело сказал он, глядя на обветренные половицы. "Я s'pose нет."

Гермиона просунула голову в дверной проем лазарета, чтобы что-то сказать мистеру Уизли, чувствуя себя плохо из-за своей невнимательности к услугам Перси, хотя Гарри был единственным, кто действительно это заметил. Следовательно, когда она прибыла в военную комнату, Гарри умолял Рона, а не Невилла. Их голоса донеслись до ее ушей еще до того, как она достигла подножия лестницы.

— Так вот как все будет? Ты даже не посмотришь на меня. Голос Гарри был тихим, почти смиренным, но Гермиона могла слышать скрытые в нем гнев и отчаяние.

Наступила минута молчания.

"Вот. Удовлетворены?" Голос Рона был слегка саркастичным. Вероятно, он повернулся и уставился на Гарри каким-то пристальным выпученным взглядом. Гермиона покачала головой и закатила глаза. Однажды она сказала, что у Рона эмоциональный диапазон как у чайной ложки, но она давно поняла, что ошибалась. Рон действительно что-то чувствовал, очень глубоко, но ему было неловко показывать это. Он часто прикрывал неуверенность или даже привязанность в ее случае сарказмом, юмором и гневом. Это были его предохранительные клапаны, а Гарри в детстве приучили сдерживать их, пока он не взорвется. Отсюда его тётя Мардж и его вспышка гнева по прибытии на Гриммо-плейс на пятом курсе. Гермионе нравилось думать, что она вычислила обоих своих «мальчиков», и она боялась, что Рон будет вести себя как идиот, пока у Гарри не случится припадок.

— Так зачем ты на самом деле пришел сюда? — спросил Рон. — Посмотрим правде в глаза, ты искал меня не больше, чем я любой из вас.

«Рон... мы хотели дать тебе время — пространство — чтобы все обдумать, но мы скучаем по тебе. Мы оба ненавидим это...»

"Мы?" Раздался горький смех, и Гермиона, все еще застывшая в коридоре, вздрогнула. — О, это так богато, Гарри. Теперь вы двое говорите друг за друга? Тесный маленький дуэт? Тебе все равно лучше с ней. Зачем я тебе нужен?

— Поверить не могу, что тебе вообще нужно спрашивать меня об этом. После всего... — Голос Гарри был очень тихим и вибрировал от сильных эмоций.

«Все изменилось». Голос Рона был тяжелым, и Гермиона знала, что он говорит не только об их прекратившихся отношениях.

— Думаешь, я этого не знаю? Все, что произошло за последние два месяца, произошло из-за меня! Все эти люди... — Голос Гарри надломился, и Гермиона инстинктивно двинулась к дверному проему, но сдержалась.

— Не ты начал войну, Гарри, — раздался голос Рона тоном человека, который повторял себя бесчисленное количество раз. «Это не твоя вина, что он выбрал тебя. Я просто хочу, чтобы она этого не сделала». Последнее предложение было сказано так тихо, что Гермиона почти не расслышала его. Она поймала себя на том, что прижимает руку ко рту, чтобы ни один звук не вырвался наружу.

«Рон... прости . Я не планировал, что это произойдет; я...»

— Но это случилось, — закончил за него Рон.

— Да, — просто ответил Гарри. Снова повисла тишина, и Гермиона бочком направилась к двери.

— Ты спишь с ней? Вопрос повис в напряженном воздухе, зажатый между двумя периодами гробового молчания. Гермиона замерла, не зная, то ли сердиться, то ли обижаться, то ли волноваться, то ли сразу все вместе. Она ждала, что Гарри возмутится, что это не касается Рона или что-то в этом роде, но вместо этого услышала еще одно простое:

"Да." Глаза Гермионы закрылись. Рон сказал что-то себе под нос, чего она не расслышала. «Я не собираюсь лгать тебе, Рон. Она такая...» Он остановился и вздохнул, словно не находя слов. «Я люблю ее. Для меня нет ничего важнее ее благополучия и счастья... И я знаю, что это важно и для тебя». Рон буркнул что-то, что могло означать согласие.

— Что я должен сказать, Гарри? Поздравляю? Все прошлым летом я... мы... Мерлин, Гарри, я старался . И ничего из этого не было достаточно хорошо. здесь, наверху, и деваться некуда, и почти все мертвы, и я должен увидеть вас двоих ... ее , счастливую - зная, что я не могу этого сделать. Больно . Особенно с - со всем остальным...

«Мне жаль, что это причинило тебе боль. Это последнее, чего хочет любой из нас в мире, ты должен поверить в это. Но я не сожалею о том, что люблю ее. И я никогда не буду».

— Я и не ждал от тебя этого, — сказал Рон, и Гермионе показалось, что она уловила в его тоне слабый оттенок невольного восхищения. Снова повисла тишина, и Гарри неловко откашлялся.

— Послушай... я хотел попросить тебя об услуге, — пробормотал он. «Гермиона... ну, она дважды убегала от Волдеморта, и он знает, что она... что мы... он знает наши чувства. Я ожидаю, что в конце концов он меня найдет, и я не смогу сделать ничего, чтобы остановить его. значит, я... я, наверное, умру, прежде чем все это закончится».

— Гарри... — запротестовал Рон.

— Ты присмотришь за ней вместо меня? Если что-нибудь случится? Я знаю, что она может позаботиться о себе, но мне будет лучше, если...

"Вы знаете, что я буду." В голосе Рона звучало тихое достоинство, и Гермиона предположила, что он действительно вырос.

— Если... если все начнет выглядеть... плохо, — сказал Гарри с некоторой нерешительностью в голосе, как будто он не знал, как действовать дальше. «Ты уведешь ее от этого? Обеспечить ее безопасность? Чего бы это ни стоило?»

Этот момент, казалось, сильно повис между двумя мальчиками, и Рон ответил не сразу, очевидно, пытаясь уловить суть слов Гарри. Недолго думая, прежде чем сделать это, Гермиона наконец вошла в военную комнату, напугав их обоих.

— Ты не можешь просить его об этом, Гарри. Ты не имеешь права. Она почти улыбалась, когда говорила, ее голос тверд, но глаза затуманены.

— Гермиона, я просто хочу знать, что ты будешь в безопасности — несмотря ни на что, — защищался Гарри.

«Ты попросишь Рона прекратить бой, просто чтобы вывести меня. Ты попросишь меня уйти, независимо от исхода или последствий. Я этого не сделаю». Она звучала так же решительно, как и он, когда отверг ее предложение о магическом перемещении.

— Ты знаешь, что будет, если Волдеморт схватит тебя! Голос Гарри был умоляющим. — Ты знаешь, что он сделает. Ты видел . Гермиона судорожно сглотнула, признавая правду в словах Гарри.

— Я знаю, — мягко сказала она. «И я не брошу никого в борьбе за Свет... даже если это безнадежно, даже если ты... если ты...» Она не могла этого сказать. « Ты никогда не покинешь их. Не спрашивай об этом у нас».

Гарри наблюдал, как он шаркает ногами. Непослушная черная челка свисала вперед и закрывала от нее глаза.

— Я просто... — Я просто хочу, чтобы ты был в порядке. Я просто хочу, чтобы ты жил. Я думаю,

что мог бы справиться со смертью, если бы знал, что с тобой все будет в порядке. Эти невысказанные заявления буквально вылетели из его глаз, когда он, наконец, снова поднял лицо, чтобы посмотреть на нее.

— Я знаю, Гарри, — мягко сказала она. Она знала, что никто не обещал завтрашний день или даже следующий удар сердца, но почему-то она чувствовала, что они находятся в более невыгодном положении, чем большинство. Она знала, что на данный момент вероятность того, что кто-то из них выживет, мала, а Гарри находится под еще большей угрозой. Добавьте к этому его потерю магии, и неудивительно, что он чувствовал, что должен смириться со своей судьбой. Она поймала себя на том, что шагнула к нему лицом, и положила обе руки ему на плечи.

— Пока не решаешься умереть за меня, ладно? Она попыталась смягчить свои слова водянистой улыбкой, но в ее глазах был явный блеск, который выдавал ее серьезность. Гарри почти рассмеялся и тоже слегка улыбнулся. Они оба, казалось, забыли, что Рон был в комнате, пока все не обернулось на звук нового голоса, исходящего из камина.

Сеть камина с ограниченным доступом, наконец, была настроена, и Тонкс и Фред сочли ее пригодной для использования. Он связан только с двумя конспиративными квартирами, одна в Йорке, а другая недалеко от шотландской границы. Тем не менее, общение между тремя домами ограничивалось только обменом новостями. Гермиона решила, что все все еще немного нервничают и нервничают и заняты решением своих внутренних проблем.

Знакомое лицо зеленело в пламени.

"О, это вы трое! Алло!" — раздался довольно бодрый голос. Гермиона, Рон и Гарри обменялись удивленными взглядами.

— А... Аберфорт... — неуверенно пробормотал Гарри. Ни один из Трио никогда особенно не знал, как его называть, так как мистер Дамблдор просто как-то отреагировал, а сам мужчина на самом деле отдавал предпочтение Эйбу, которого Гермиона упорно отказывалась называть. Она тоже не была слишком счастлива, когда мальчики пробовали это. Рон время от времени пробовал это делать, просто чтобы посмотреть, как она дёргается.

— Гарри... рад тебя видеть, — сказал пожилой мужчина, который был жутко похож на их покойного директора, без бороды, вливая целый мир смысла в одно это слово.

"Где ты был?" — сказал Рон, выпалив вопрос, над которым, вероятно, думали все трое. Аберфорт Дамблдор был одним из тех, кто пропал без вести после битвы в Хогсмиде. Он познакомился с Трио в начале их седьмого года, когда по настоянию своего брата взялся за дополнительное обучение Гарри.

«Я был в «Кабаньей голове», когда она взорвалась, — сказал Аберфорт. «Пролежал в развалинах пару дней, пока не добрался до какой-то маггловской фермы. Милый старик и его жена». Гермиона подавила улыбку, когда он назвал кого-то «старым». «В любом случае, падающая балка чуть не оторвала мне ногу. Заразился весь, и мне говорят, что я сошел с ума

от лихорадки. Мне потребовалось так много времени, чтобы прийти в себя и понять, как найти Орден. приехал сюда сегодня утром. Заставил их позволить мне воспользоваться камином, как только я узнал, что ты все еще в порядке. Решил, что нам нужно вернуться к нашему режиму тренировок, как можно скорее. Прежде чем он закончил свое последнее предложение, Гарри неловко покачал головой.

— Вообще-то нет, я не смогу... — начал он, пока Гермиона и Рон бросали на него скрытые сочувствующие взгляды. Но Аберфорт продолжал, как будто Гарри вообще не говорил. Он оглядывался через плечо, разговаривая с кем-то, кого они не могли видеть.

— Нужно поговорить и с Минервой. Она здесь? Мы нашли Поппи Помфри, видите ли. Разве она не искала ее?

— Я приведу ее, — предложил Рон, высвобождаясь из своей скрюченной позы перед камином и выбегая из комнаты.

"Почему хмурые лица?" — проницательно спросил Аберфорт, несколько запоздало подумав. — Поппи не слишком поздно нашли, не так ли? Мысли Гермионы промелькнули при мысли о Перси и искусно вырезанном надгробии на заднем дворе, но она отрицательно покачала головой.

— Нет, — медленно произнесла она, думая о кричащей Джинни, дико блуждающей слепыми глазами, вцепившейся в руку Гарри, словно за спасательный круг. «Нет, есть еще кое-кто, кого нам нужно, чтобы она увидела».

— Что ж, тогда это хорошо, — сказал Аберфорт. «Теперь, Гарри, о твоём обучении...»

— Разве они не сказали тебе? — резко прервал Гарри. «Я не могу...»

"Гарри!" Гермиона предостерегающе зашипела, хватая его за руку. «Вы не должны ничего говорить по камину, даже если это безопасное соединение». Глаза Аберфорта на мгновение метались между ними, и он, казалось, что-то там прочитал, потому что сказал только:

"Я вижу", и стих. Не прошло и секунды, как Рон снова вошел в Военную Комнату с профессором МакГонагалл на буксире.

"Почему, Аберфорт!" Сказала она в изумлении, когда увидела, чья голова зависла в решетке. — Мы думали, ты...

«Нет, — сказал он, прежде чем она успела закончить очевидное утверждение. Его глаза мерцали даже в пламени, и Гермиона внезапно и болезненно вспомнила о его брате. Взволнованные подростки быстро ввели в курс дела своего старого профессора, и она сказала голосом, близким к восторгу: «Поппи здесь?»

«Стою прямо рядом со мной», — весело сказал Аберфорт. "Это кто?" — добавил он, и хорошее настроение вдруг погасло в его глазах. МакГонагалл и Трио стали одинаково серьезными.

— Джинни Уизли, — сказала бывшая директриса. — У Поппи есть какие-нибудь другие припасы, которых у нас может не быть? Кто-то силой оттолкнул Аберфорта в сторону, и в камине появилось безмятежное лицо их школьной медсестры.

"На самом деле, у меня есть," ответила она. «Мой двоюродный брат держал маленькую волшебную клинику. Она находилась в глуши, и Пожиратели Смерти вообще ее не заметили. Его убили в Косом переулке, и я вычистил его. не хуже, чем в больнице Святого Мунго, но... — она пожала плечами.

— Мы проведем ее, — внезапно сказал Гарри, встретив взгляд Гермионы. Она прочитала невысказанные намерения в его глазах и кивнула. Он хотел обсудить возможность их совместных усилий противостоять проклятию, наложенному на Джинни. Мало кто знал диапазон сил Гарри или Гермионы лучше, чем мадам Помфри... или Аберфорт Дамблдор, если уж на то пошло.

МакГонагалл открыла рот, чтобы что-то сказать, и Рон выглядел озадаченным, но упрямый взгляд Гарри призывал любого возразить ему.

— Мы будем ждать вас, — сказала мадам Помфри так успокаивающе, как если бы ухаживала за лихорадочным первокурсником. Гарри решительно кивнул, глаза его были пусты, а черты лица казались непроницаемой маской.

В конце концов, Пенелопа и Рон сопровождали их через камин в конспиративную квартиру в Северной Англии. Фред предложил взять на себя охрану Невилла в смену Рона, чтобы его брат мог сопровождать своих друзей и младшую сестру. Мистер Уизли тоже хотел уйти, и частично из-за настороженного взгляда Гарри, а частично из-за того, что это было правдой, Тонкс мягко попросила его остаться, чтобы не допустить, чтобы ни в одном убежище не осталось ни одного человека — просто в случае.

Гермиона отдалась странному кружащемуся ощущению, когда вошла в камин, а затем вышла в маленькую гостиную, которая была устроена для целей, подобных их собственной Военной Комнате. Искренняя улыбка озарила ее лицо, когда она увидела ожидающих их мадам Помфри и Аберфорта.

Гарри прошел позади нее, нежно баюкая Джинни на руках. Он явно вдохнул не вовремя, потому что кашлял подавленным способом, который используют, когда пытаются свести к минимуму движение. Гермиона попыталась подавить охватившее ее чувство ревности, хотя и насмешливо подумала, что Гарри не собирался разбудить Джинни кашлем — с этим не нужно было остерегаться.

Рон и Пенелопа последовали за ними, и когда они все закончили, мадам Помфри обратилась к Рейвенкло со всеми делами.

— Что с ней сделали? она спросила. Пенелопа начала вводить ее в курс дела, пока они шли через дом в большую комнату, явно использовавшуюся как лазарет. Она была гораздо лучше оборудована, чем в Корнуолле, и Гермионе показалось, что когда-то это была очень большая столовая с полированными деревянными полами и скромной хрустальной люстрой над головой. Окна от пола до потолка тянулись вдоль одной стены, и Гермиона предположила, что за драпировками они выходили на какую-то веранду.

Мадам Помфри с сожалением покачала головой, не сводя глаз с Джинни, а Гермиона снова переключила свое внимание на насущный вопрос.

— Есть ли что-нибудь, что могло бы вам помочь? — спросила Пенелопа с большими встревоженными глазами. «Кошмарные проклятия такие новые — я действительно, я вообще мало что знаю».

«Проклятье кошмаров не так ново, как вы могли бы подумать, мисс Клируотер», — сказала старшая ведьма-медик. «Орден знает об этом уже довольно давно. Профессор Снейп дал нам информацию три года назад».

"Снейп!" Это слово вылетело изо рта и Гарри, и Рона с величайшим отвращением.

— Тогда ты знаешь? — нетерпеливо спросила Пенелопа, явно сосредоточившись на поставленной задаче. — Ты знаешь, как этому противостоять?

«Контр-заклятия как такового нет», — возразила мадам Помфри. «По крайней мере, не тот, который полностью устранит Кошмар».

"Не полностью?" — спросила Гермиона, ее разум ускорился до знакомого состояния овердрайва.

«Единственный человек, затронутый Проклятием, к которому у Ордена был... доступ — ну, даже с применением специального контрпроклятия, его периодически мучили повторяющиеся кошмары наяву, и он не мог полноценно функционировать в волшебном обществе».

— А потом он умер, не так ли? — спросил Гарри, не отрывая глаз от лица медсестры во время ее рассказа. Мадам Помфри выглядела смущенной.

— Он покончил жизнь самоубийством, — коротко сказала она, не глядя на Рона и выглядя несколько расстроенной из-за того, что Гарри заговорил об этом.

— Так что же происходит с Джинни? — глухо спросил Рон, и Гермиона увидела, как Пенелопа нежно погладила его по руке.

«Орден проводил довольно тайные эксперименты с говорением во сне и Легилименцией,

которые выглядели многообещающе. Но все это исключительно теоретически».

— Это все, что у нас есть, — невозмутимо сказал Гарри, глядя на Джинни с такой печалью, что у Гермионы сжалось сердце, хотя она мысленно ругала себя за то, что была такой глупой и мелочной. Мадам Помфри медленно кивнула, плотно сжав губы, и начала сканировать Джинни своей палочкой. Они с Пенелопой сверились с показаниями вместе, с такими же серьезными лицами.

"Как она?" — спросил Рон почти идеально синхронно с Гарри.

«Проклятие прогрессирует. На нее напали больше месяца назад?» На этот вопрос ответил Кивок, и мадам Помфри продолжила. — Она когда-нибудь вела себя так, будто вот-вот проснется? На этот раз Пенелопа кивнула.

«Профессор МакГонагалл послала за мной, когда Джинни начала просыпаться. Я разбудил ее искусственно, но... но ничего хорошего не вышло. После этого ее довольно быстро усыпили».

«Вероятно, это помогло замедлить Проклятие, но даже это было бы лишь временным. Ей требовались более высокие дозы, чтобы оставаться в седативном состоянии?» Пенелопа медленно кивнула, и хогвартская колдунья помрачнела. «Значит, он уже распространяется. Есть ли другие симптомы?»

— Она слепая, — внезапно выпалил Гарри, удивив всех в комнате, а также себя самого, если судить по выражению его лица.

— Понятно, — просто сказала мадам Помфри. «Ее тело сделало это рефлекторно, пытаюсь остановить образы, которые воспроизводятся в ее сознании. По прошествии стольких лет слепота, вероятно, необратима, но мы все еще можем успеть удержать ее от... от полного разрыва с реальностью. ."

— Пенелопа сказала, что сойдет с ума, — отчаянно бросил Рон, словно умоляя мадам Помфри опровергнуть его заявление.

— Так и будет, мистер Уизли, если мы не сможем прекратить это в ближайшее время. Она снова взглянула на свою палочку и спросила: «Кто-нибудь знает, какой кошмар навис над ней?» Почти невольно все взгляды медленно переместились на Гарри, который немного сглотнул.

«Она в Тайной комнате... с Томом Риддлом, и ее семья мертва», — сумел сказать он.

«Гарри — единственный, кто вообще мог добиться от нее чего-то ясного», — вставила Пенелопа. «Если кто-то из ее семьи пытался заговорить с ней, она просто кричала, что они мертвы. Гарри, казалось, успокаивал ее... хоть немного».

— Конечно, — сказала мадам Помфри. «Гарри был тем, кто изначально спас ее от Комнаты. Вполне логично, что он каким-то образом... каким-то образом оказался выше кошмара. Однажды он вытащил ее из него; даже ее подсознание верит, что у него снова все получится».

"Что мне нужно сделать?" — спросил Гарри.

— Я могу наложить на тебя заклинание, чтобы погрузить тебя в состояние, похожее на сон. Тогда тебе нужно будет связаться с мисс Уизли через Легилименцию. Видит реально — возможно, заставь ее покинуть Комнату вместе с тобой — ты должен освободить ее от проклятия». Гарри выглядел сомнительным.

"В том, что все?"

«И это все? Уверяю тебя, Гарри, это не будет легкой прогулкой в парке. Во-первых, это никогда не делалось раньше. Были те, кто пробовал что-то подобное, и некоторые — не вернулись».

— Не вернуться? Гермиона быстро ухватилась за это, заговорив в конце слов мадам Помфри, ее брови были озабоченно нахмурены. Медведьма задумчиво кивнула Джинни.

«Он может закончить так же, как она».

— Что, если бы он... — начала было Гермиона, но Рон перебил ее.

«Я не могу поверить, что ты вообще споришь об этом. Разве это вообще имеет значение?» Гермиона встретила его взгляд прямо, и он повернулся, чтобы посмотреть на Гарри, его глаза просили поддержки. «Ты не можешь заниматься легилименцией, Гарри. Это бессмысленно».

Аберфорт заметно вздрогнул, и мадам Помфри озадаченно перевела взгляд с него на Гарри. Гермиона увидела, как плечи Гарри слегка опустились.

— Они тебе не сказали? — сказал он, глядя на брата директора. Это вообще не звучало как вопрос. Когда Аберфорт сочувственно покачал головой, Гарри открыл было рот, чтобы заговорить, но Гермиона бросилась вперед прежде, чем он успел снова назвать себя сквиббом.

«Волдеморт захватил Гарри после битвы в Хогвартсе. Он использовал какое-то специальное демпфирующее поле, чтобы высосать всю магию Гарри. Он еще не вернул ее». Аберфорт судорожно вздохнул посреди речи Гермионы. «Мы надеялись, что вы, — это было адресовано мадам Помфри, — знаете что-то, что поможет нам и здесь».

Но ведьма-медик уже качала головой.

«Ослабляющее поле, привязанное к конкретному человеку, было бы тем более мощным. Я еще не слышал ни об одном, которое можно было бы отменить. Это причина, по которой они запрещены».

— Что ж, кому-нибудь лучше обязательно процитировать Волдеморта, — невесело рявкнул Гарри, но чуть ли не со следующим вздохом извинился.

— В любом случае, сейчас это не имеет значения, — вставила Гермиона, бросив подавляющий взгляд на своего парня. «Мы были готовы к этому непредвиденному обстоятельству. Мы думали, что это может быть заклинание, но Легилименция не может быть такой уж иной, не так ли?» Рон быстрее всех понял, что она имела в виду.

«Гермиона, ты говоришь о том, что вы двое сделали с Люпином? Попробуй это на моей сестре, и ты, скорее всего, просто снесешь ей макушку. Неважно, что ты рискуешь навсегда избавиться от своей магии».

— Мы с Гарри уже обсудили это... — начала Гермиона, пытаясь говорить ровным голосом.

— О, я уверен, что вы с Гарри пришли к взаимоприемлемому решению, — сказал Рон с неприятным намеком в голосе. Гермиона почувствовала, что ошарашивается.

— Не вмешивай в это свои проблемы со мной, Рон, — предупредил Гарри. «Мы хотим помочь Джинни. Нам только что сказали, что я, вероятно, единственный, кто может, и что у нас осталось не так много времени. Позвольте мне сделать это». Что-то горькое мелькнуло в его глазах. «Ты верил в меня... когда-то».

Рон выглядел почти пристыженным и, казалось, собирался что-то сказать, но Гарри и Гермиона уже переключили свое внимание на мадам Помфри и Джинни.

— Если вы двое полны решимости сделать это... — неуверенно начала пожилая женщина, по очереди глядя на них обоих, — тогда я предлагаю вам хотя бы попрактиковаться в методе на ком-то еще, чье здоровье находится в... менее шатком положении. Аберфорт и Я должен быть в состоянии обучить тебя основам...» Даже когда она закончила предложение, Гарри и Гермиона устремили взгляды на Пенелопу.

— Я сделаю это, — вместо этого раздался голос Рона, и они оба осторожно повернулись к нему. «Позвольте мне сделать это. Используйте мой разум».

— Я не совсем уверена, что ты сможешь хоть что-то из этого пощадить, — отрезала Гермиона, но ее глаза слегка блеснули. Рон и Гарри некоторое время серьезно смотрели друг на друга, прежде чем Гарри без улыбки кивнул.

— Закрой глаза, Гарри, — сказала мадам Помфри, в то время как Аберфорт пододвигал к себе

стул так близко, что он довольно резко сел, когда стул ударил его под колени. Гермиона смотрела, как он это делает, прежде чем тоже сесть.

«Мы никогда раньше не имели чести работать с такой... магией на спине», — сказал Аберфорт ошеломленным тоном. «Гермиона, почему бы тебе не продолжить... сконцентрируйся на Гарри. Ему нужно будет завладеть твоей магией, прежде чем он сможет инициировать контакт».

Она достигла. Она почувствовала странное болезненное ощущение, уменьшение ее силы, которого она не заметила в их предыдущей попытке. На мгновение она восхитительно ощутила всю теплоту и сложную жизненную силу, которая была самой сущностью Гарри. Вот оно, подумала она. Используйте его, как хотите. Она знала, что любая потеря ее магии будет считаться достойной жертвы, даже если Гарри совсем не воспримет это так же. Она, казалось, все еще сохраняла связь со своей магией тонкой ментальной нитью; она чувствовала, как он туго натягивается.

Потом вдруг вспышка и громкий грохот. Ее магия вернулась к ней, и она отлетела в кресле на несколько метров. Глаза Гермионы распахнулись, и она увидела Рона, все еще сидевшего в наклоненном кверху кресле, с поднятыми ногами и спиной к полу.

— Черт возьми, Гарри. Ты пытаешься прочесть мои мысли или разбить мне череп?

— Прости, — пробормотал Гарри. Он умоляюще посмотрел на мадам Помфри. «Я освоил это более года назад. Как только у меня появится сила, не так ли... разве я не смогу сделать это правильно?»

«То, что делает Гермиона, похоже на протезирование конечности, возможно, волшебную руку или что-то вроде глаза Алистера. Возможно, изначально вы были искусны в использовании своей силы, но потребуются некоторые приспособления, чтобы научиться использовать силу Гермионы как если бы это было ваше собственное. Мисс Грейнджер, давайте чуть-чуть помедленнее. И Гарри, подумайте о легком прикосновении рапиры, а не об ударе боевого топора. Несмотря на серьезность ситуации, Гермиона не могла сдержать смех, сорвавшийся с ее губ. Гарри посмотрел на нее несколько мрачно, с притворным видом предательства.

Они попытались снова. Рон был сбит с ног только один раз, но потребовалось несколько попыток, прежде чем он смог успешно проникнуть в разум их лучшего друга. Она могла сказать, когда он это сделал, потому что ее связь с ее магией растянулась и исчезла почти до нуля, и только с неистовой, панической хваткой она смогла вырвать ее из пасти забвения, чувствуя, как будто она отчаянно цепляется за нее. к ней ногтями.

Она откинулась на спинку стула с тревогой в глазах, тяжело дыша, пытаясь прийти в себя. Она заметила задумчивый взгляд Аберфорта на нее, но он ничего не сказал. Гарри и Рон стали очень жесткими и неуклюжими и были заняты тем, что старательно избегали взглядов друг друга. Гермиона рассеянно подумала, что Гарри видел такого, чего Рон не хотел, чтобы он видел.

— Очень хорошо, мистер Поттер.

«Блестящая работа, Гарри». Слова Аберфорта перемешались со словами мадам Помфри. Гермиона с почти материнским удовольствием наблюдала, как Гарри покраснел от похвалы. Она могла прочесть его эмоции, мерцающие на его лице. Он совершил нечто волшебное, и для него не имело значения, что ему оказали помощь. Гермиона видела выражение, похожее на это, на его лице, когда он заканчивал сажать сад или когда принимал зелье Обратного, чтобы использовать его на Невилле... удовольствие от вклада, ощущение себя частью целого. Почти любой, маггл или волшебник, чувствовал бы то же самое, но инвалидность Гарри, казалось, усиливала все врожденное чувство никчемности, которое Дурсли изо всех сил старались привить ему.

Они выполнили маневр еще дважды, прежде чем два старших члена Ордена заявили, что удовлетворены прогрессом. Гарри смотрел на нее с беспокойством; Гермиона могла сказать, что ее глаза выдавали усталость, а кожа была липкой.

«Хотите попробовать с наведенным заклинанием «Бодрствующий сон»?» — спросила мадам Помфри. Гарри выглядел неуверенно.

— Гермиона устала, — сказал он, даже когда его глаза переместились на Джинни. Гермиона знала почему. Никто не был полностью уверен, сколько времени у нее осталось.

— Нет, — быстро сказала она. «Нет, я в порядке. Мы не собираемся причинять Рону боль, не так ли?» Ее глаза с тревогой метнулись к нему.

— Неважно, если ты это сделаешь, — пробормотал он. «Мы должны сделать все возможное, чтобы помочь Джинни, пока... пока ей еще можно помочь». Гарри и Гермиона обменялись обеспокоенными взглядами, но затем повернулись и одновременно кивнули мадам Помфри. Медведь, в свою очередь, подняла палочку, тихо сказав:

« Успокоение сознания».

Изменения в Гарри были едва заметными, но весьма заметными. Он не сутулился и глаза его не закрывались. Гермиона увидела, как напряжение в его плечах и руках расслабилось, а свет, исходящий из его глаз, как преломленный солнечный свет сквозь зеленое стекло, замерцал и слегка потускнел. Его дыхание стало глубже, и он перестал моргать. Мадам Помфри подошла к нему и заговорила с ним, но не вызвала ни визуального, ни словесного ответа.

Она протянула свою магию и, должно быть, привлекла внимание Гарри, хотя его время реакции казалось более медленным и вялым, чем раньше. Гермионе казалось, что она понимает, почему мадам Помфри сказала, что совмещать состояние сна с Легилименцией рискованно.

— Он вышел на связь, мистер Уизли? — раздался мягкий голос ведьмы. Гермиона держала

глаза закрытыми, сосредоточившись на поддержании связи со своей магией. Казалось, оно отдаляется от нее, и она поймала себя на том, что следует за ним.

И вдруг она оказалась где-то совсем в другом месте, в большой комнате, в которой, казалось, не было ничего, кроме движущихся картинок или чего-то вроде телевизионных экранов, заполняющих все мыслимое пространство.

Там был рыжеволосый мальчик, тянущий сундук из Хогwartса к экспрессу, а крошечная малышка безутешно плакала.

Артур Уизли лежал в палате в больнице Святого Мунго, пострадавший от укуса змеи.

Шоколадный торт с одиннадцатью сверкающими свечами стоял на столе, мягкое сияние мягко обрамляло лицо Молли Уизли.

В дверях купе поезда стояла пышноволосяя девушка с высокими манерами и спрашивала про жабу.

Гарри был распределен на Гриффиндор.

Служба на могиле, детали которой были размыты и неясны. Молли Уизли рыдала в носовой платок, держа на одном бедре ребенка.

Сама Гермиона, покрасневшая и злая, с волосами, рассыпавшимися по шпилькам, кричала на Рона в гостиной Гриффиндора.

Гермиона и Рон целуются на диване в гостиной Гриффиндора. Перо вылетело из пальцев Гермионы, и она...

Этот конкретный экран стал черным, и она почувствовала, как смущение пронизывает саму атмосферу вокруг нее, наполняя ее своим застенчивым жаром.

Святой сверчок! Она вдруг подумала. Я в воспоминаниях Рона. Как я сюда попал? Где Гарри? Где я? Она снова потянулась к своей магии, к самой себе, и она, казалось, ускользала от нее, как сыпучий песок. Первые щупальца паники пробились сквозь ее сознание.

Гарри?

Она увидела другую картину. Она отстранялась от Рона; он хватал ее за руку, пытаясь повернуть к себе, умоляя. Ее поразило страдальческое выражение его лица.

Экран снова погас. Гермиона попыталась снова обрести свою магию, свое ощущение себя, но ее равновесие было нарушено. Она чувствовала себя ныряльщиком, который не знает, в каком направлении находится верх или даже что такое «верх». Она чувствовала, что ее захлестывает удушающая волна стыда, сожаления и покинутости.

Неужели Рон так к нам относится? – удивилась она и побрела дальше по коридору, с интересом разглядывая картины вокруг себя, зная, что теперь это воспоминания Рона. Некоторые из них гасли, превращаясь в серые квадраты или совсем исчезая, когда ее взгляд падал на них.

Затем ее внимание привлекла темная фигура. Она не могла сказать, как далеко находилась фигура, так как время и расстояние здесь, казалось, не имели значения, да и как могло быть иначе? Это объясняло, почему события, произошедшие много лет назад, могут всплывать в памяти с большей ясностью, чем события гораздо более поздние. Она шла — если это можно было назвать ходьбой — с большей настойчивостью к человеку. Он был отвернут от нее.

"Рон?" — спросила она с любопытством. "Гарри?" Он инстинктивно взглянул на нее, и ей показалось, что она могла видеть мерцание света и тени на линзах его очков. Или она была обманута и введена в заблуждение собственным разумом? Или Гарри? Или Рона?

Тысячи экранов, казалось, плавали вокруг нее. Она путалась. Она повернулась туда, где в последний раз видела Гарри (это был Гарри?), но темная фигура исчезла. Она побежала (она вообще двигалась?) в том направлении, в котором, как ей казалось, видела его в последний раз.

"Гарри?" (Кто такой Гарри?) Она чувствовала, как двигаются мышцы горла и рта, но не слышала ни звука. Картинки исчезли, когда она пробежала мимо, расплываясь в разноцветные линии. Но она почти не обращала на них внимания. Паника начала перерастать в пронзительный вой.

Гермиона? Кто-то сказал. Гермиона?

Это ее имя? С кем они разговаривали? Кто они?

ГЕРМИОНА!

И с молниеносной ясностью она вспомнила... повернулась... Гарри! Она чувствовала его присутствие, чувствовала свою магию... двигалась к нему.

Ее глаза распахнулись, и она шумно вдохнула воздух, словно вынырнув из-под воды спустя долгое время. Кругом встревоженные лица с широко распахнутыми встревоженными глазами окружили ее.

"Ты в порядке?" — раздался голос, который она любила больше всего на свете. Ей удалось

неуверенно кивнуть, пытаясь понять, что именно произошло, пытаясь идентифицировать это, чтобы присвоить этому категорию и ярлык.

"Что-что - ?" она успела задохнуться.

"У тебя есть это?" Гарри был почти в бешенстве, сверкающий блеск его глаз выдавал тревогу.

"О чем ты говоришь?" — чуть не закричала она в ответ, подстрекаемая к эмоциональной реакции своим замешательством и страхом.

«Твоя магия, Гермиона. Она у тебя есть?» Она почувствовала, как в ее карих глазах вспыхнуло беспокойство, когда она искала ее, почти автоматически поднимая палочку и говоря:

«Алохамора». За ширмой тяжелых драпировок всем отчетливо был слышен скрежет отстегивающейся оконной щеколды. Она увидела, как Гарри обмяк, его глаза закрылись с почти ощутимым облегчением.

— Я не понимаю... — отважилась она нерешительным тоном, который совсем не был похож на нее самой.

— Вы последовали за Гарри в разум Рона, — мягко сказала мадам Помфри. Гермиона нетерпеливо кивнула; она была в состоянии выяснить это. «Я не совсем уверен, что что-то подобное когда-либо случалось раньше. Ты чуть не потерял себя». Она покачала головой. «Я бы и не подумал, что вы подвергаетесь такому риску, как...»

"Что бы случилось?" — спросила Гермиона, широко раскрыв глаза.

«Я не знаю. Ваше тело, вероятно, впало бы в постоянное кататоническое состояние. И ваш разум — ваш разум, вероятно, был бы изгнан из разума Рона в жесте самозащиты, где он перестал бы существовать. Если бы он не мог изгнать тебя, твое мысленное присутствие свело бы его с ума».

Гермиона сжала губы, более чем расстроенная из-за близкого промаха, и задаваясь вопросом, как она потерпела неудачу, что она может исправить то, что произошло. Она печально посмотрела на Гарри и Рона.

«Прости», — сказала она, наполняя смыслом эту простую фразу. Рон пожал плечами.

«Ты чертовски хорошо сводил меня с ума в течение семи лет. Пока еще не причинил мне никакого непоправимого вреда». Гермиона посмотрела на него со слезливой полуулыбкой.

Гарри, однако, был менее вялым, чего ожидала Гермиона. Вместо того, чтобы говорить, он

обхватил ее лицо обеими руками, глядя ей в глаза, касаясь ее кожи, словно хотел запомнить ее, как будто боялся, что даже сейчас она может навсегда исчезнуть из их глаз.

Один гигантский всхлип вырвался из ее груди, и она встала, почти бросившись в его объятия, когда они утешительно заключили ее в объятия. Ей показалось, что она смутно слышит, как он бормочет ее имя ей в волосы.

«Нам придется найти другой путь», — подумала она, услышав слова Рона.

— Другого пути нет, — сказал чей-то голос тихо, как вздох. Она слегка вздрогнула, когда поняла, что говорил Гарри. Она вышла из круга его рук и вопросительно посмотрела на него. — Но я больше не буду просить тебя об этом, Гермиона, — закончил он.

— Это значит... — хрипло сказал Рон, не сводя глаз с младшей сестры.

"Нет!" — внезапно и страстно сказала Гермиона.

— Гермиона, это не работает! Гарри возразил. «Мы не можем рисковать потерять вас из-за чего-то, что мы даже не можем заставить работать». Она видела, как его глаза поспешно и виновато метнулись к Рону, но рыжеволосый согласился.

— Он прав, Гермиона, — устало сказал Рон.

«Как долго Джинни может идти до того, как вообще не останется никакой надежды?» — спросила Гермиона, поворачиваясь к мадам Помфри.

«Трудно сказать... количество таких случаев довольно ограничено, но я бы сказал, не более двух недель — и это, вероятно, при небезопасном уровне зелья седативного действия».

— Тогда дай нам одну неделю, — сказала она, переводя взгляд с Гарри на Рона, и оба очень неохотно кивнули. «Если мы потренируемся в твоём присутствии, возможно, с кем-то, кто прикрепит меня сюда, возможно, мы сможем это сделать». Ее взгляд скользнул вниз, к Джинни на кровати.

Ее лицо было твердым, как камень.

<http://tl.rulate.ru/book/80752/2457007>